

ВТОРИЧНЫЕ КВАЛИТАТИВНЫЕ НОМИНАЦИИ
В РУССКОМ И БЕЛОРУССКОМ ЯЗЫКАХ:
СТРУКТУРА, ТИПОЛОГИЯ

Проблемы семасиологических исследований вторичных номинаций и процессов образования производных лексико-семантических вариантов (в дальнейшем – ЛСВ) занимают важное место в современной лингвистической науке. Ведь практически любые вторичные номинации являются следствием естественного развития языка, обусловленного познавательной и коммуникативной деятельностью человека и связанным с ним сложным комплексом гносеологических, этических, философских, психологических и других проблем. Такие номинации выполняют не вспомогательную, а особую роль при вербализации предметов и явлений внеязыковой действительности.

Несмотря на определенные достижения в исследовании вторичных номинаций (особенно метафорических), недостаточно внимания в современной научной парадигме уделяется изучению качественных образований, вне поля зрения ученых остаются количественный и качественный состав таких номинаций (особенно в белорусском языке), их синтагматика, парадигматика. В статье предпринимается попытка проведения комплексного исследования вторичных качественных номинаций в русском и белорусском языках, что в целом позволит выявить типологические и отличительные признаки в лексической системе языков, их национально-культурную специфику и будет способствовать определению культурно-ценностной картины мира, отраженной в различных культурных сообществах.

Категория квалитативности, являющаяся одним из базовых философских понятий (наряду со временем, пространством, частью и целым) и “логическим обобщением практики” [1, с. 80-81], в лингвистике рассматривается как семантическое явление, в котором находит отображение языковая репрезентация и интерпретация самых разных проявлений качества. Авторы исследования “Теория функциональной грамматики”, посвященного категориям качества и количества, качеством считают функционально – семантическое поле (ФСП), которое состоит из групп разных частей речи, которые взаимодействуют на базе общности квалитативных функций [3, с.5]. Такое полицентрическое поле, согласно взглядам исследователей, состоит из двух центров: атрибутивного (полные прилагательные и причастия в роли определений) и предикативного (краткие и полные прилагательные в роли сказуемого). Прилагательное, таким образом, является главным репрезентантом квалитативности.

Система квалитативных номинаций характеризуется двухуровневой организацией, в которую включаются первичные и вторичные ЛСВ. Вторичные номинации рассматриваются как ЛСВ, образованные в своем большинстве на базе исходных значений слов, которые определенным образом трансформируются. При этом используется звуковое оформление уже существующей в языке лексической единицы. Практически все виды вторичной номинации являются результатом ассоциативности человеческого мышления, при котором выбор признака в процессе образования нового ЛСВ диктуется не только характером объекта обозначения, но и отношениями к нему субъекта, уровнем и глубиной знаний этого объекта, опытом взаимодействия с ним.

При классификации вторичных квалитативных номинаций учитываются два соотносительных признака, содержание которых находится в полном соответствии с логико-философской категорией квалитативности: а) исходная понятийная сфера (область-источник, сфера-донор, фрейм-источник, источник метафорической экспансии, канал получения

информации, то, **что** отождествляется, ассоциируется или сравнивается); б) целевая понятийная сфера (область-цель, сфера-реципиент, фрейм цели, результат метафорической экспансии, то, **с чем** происходит отождествление, сравнение).

Такого рода модели, как отмечает В.Д.Стариченок, составляют одну из основных частей национальной языковой картины, национальной ментальности, в соответствии с которой человек действует, думает, находит похожие аналогии и универсальные взаимосвязи между явлениями и предметами реальности, определенным образом классифицирует окружающую действительность [2, с. 20]. Характерные признаки объектов, которые сопоставляются, часто согласуются с уже известными типологическими моделями метафорического и метонимического переносов. Так, в русском и белорусском языках активно образуются вторичные колоративные, люминальные, параметрические, звуковые, тактильные, температурные, консистентные, ресовые, густаторные, одорические номинации, смысловое разгигие которых во многом определяется источником мотивации, который как бы указывает на магистральную линию развития квалитативности, ср.: рус. *седые времена*, бел. *сівыя вякі*; рус. *стальной голос*, бел. *стальныя ноткі ў голасе*; рус. *большой художник*, бел. *вялікі палкаводзец*; рус. *мутные облака*, бел. *мутны туман*; рус. *горячий темперамент*, бел. *гарачы характар*; рус. *кислая гримаса*, бел. *кіслая ўсмешка*. Трансформация колоративных номинаций чаще всего осуществляется в направлениях «цвет → свет», «цвет → время», «цвет → звук (голос)». Вторичные ЛСВ параметрических прилагательных во многих случаях указывают на специфику голоса или звука, особенности речи (стиля, слога), одорические ощущения, а также интенсивность проявления признака, его высокую или низкую степень. Прилагательные со значением температурных состояний широко употребляются для характеристики внутреннего состояния человека, его чувств и эмоций. Среди ольфакторных номинаций чаще всего наблюдается взаимопереход вкусовых и одорических

ЛСВ, ср.: рус. *сладкий запах лип, медовый запах цветов, терпкий запах черемухи, приторный запах сена*; бел. *салодкі пах яблык, мядовы пах кветак, прытарны пах*.

В зависимости от количества и качества ЛСВ в русских и белорусских эквивалентных лексических единицах выделяется несколько типов соотносительных структур: а) структуры с отношениями тождества (полное совпадение смыслового содержания сравниваемых слов); б) структуры с отношениями включения или пересечения (объем значений слова одного языка больше объема значений соответствующего слова другого языка; в) структуры с отношениями несовпадения или исключения (отсутствие точных смысловых эквивалентов, когда соотносительные слова манифестирует различные переносные ЛСВ).

Типология вторичных номинаций в русском и белорусском языках выявляется на уровне общности семантических моделей и формул, их стереотипности, тождественности круга реципиентов, вовлеченных в процесс образования качественных ЛСВ. Одинаковые семантические преобразования связаны с общечеловеческими свойствами восприятия действительности, универсальностью способа познания и концептуализации мира, а также общностью культурных и религиозных представлений носителей русского и белорусского языков. Тождественные для русского и белорусского языков смысловые структуры наблюдаются практически во всех группах качественных номинаций. Они могут быть двухкомпонентными, трехкомпонентными и многокомпонентными, ср.: рус. *толстый* 1. 'большой, значительный в объеме, поперечном сечении' → 2. 'низкий, густой (о голосе, звуках)', бел. *тоўсты* 1. 'вялікі, значны ў аб'ёме, папярочным сячэнні' → 2. 'нізкі, густы (пра голас, гук)'; *терракотовый* 1. 'сделанный из терракоты' → 2. 'красновато-коричневый, цвета терракоты', бел. *тэракатавы* 1. 'зроблены з тэракаоты' → 2. 'колеру тэракаоты; чырвона-карычневы'; *зеленый* 1. 'имеющий окраску одного из основных цветов спектра – среднего между желтым и голубым; цвета травы, зелени' //

‘бледный, с землистым оттенком (о лице)’ → 2. ‘недозревший, неспелый (о плодах, злаках)’ → 3. ‘очень юный, не достигший зрелости, неопытный вследствие молодости’, бел. *зялёны* 1. ‘адзін з колераў сонечнага спектра, сярэдні паміж жоўтым і блакітным; колеру травы, зелены’ // бледны, з зямлістым адценнем → 2. ‘недаспелы, няспелы’ → 3. ‘вельмі юны, нясталы, нявопытны з прычыны маладосці’.

Различия и корреляции русских и белорусских качественных обусловлены многообразием конкретных проявлений общего механизма вторичной номинации, общей модели, на которую накладываются конкретные социально-исторические условия жизни каждого народа. Такие различия прежде всего сводятся к наличию или отсутствию в смысловых структурах сопоставляемых слов качественных ЛСВ. Так, в русском прилагательном *пламенный* фиксируются 4 ЛСВ: ‘ярко горящий, пылающий’, ‘жаркий, горячий’, ‘пылкий, страстный’, ‘ярко-красный, цвета пламени’; в белорусском эквиваленте *палымялы* отсутствуют первые два значения русского слова, и в качестве основного выступает ЛСВ ‘ярко-красный цвет’, а в качестве переносного ЛСВ – ‘пылкий, страстный’.

Русское прилагательное *корявый* по первичному значению относится к разряду параметрических и развивает вторичные ЛСВ анимистического плана (*корявое лицо, корявые пальцы, корявые фразы, корявая подпись*). В белорусском соответствии *каравы*, наоборот, первичным является ЛСВ широкой пейоративной оценки ‘заскорюзлый, загрубевший’ (*каравая ануча, каравыя нагавіцы, каравая свіння*). Вторичные ЛСВ в этом случае развиваются в параметрическом и анимистическом направлениях (*каравая груша, каравыя ногі, каравыя фразы*).

В отношениях семантического включения находятся русское и белорусское прилагательные *жидкий*, которые в обоих языках развивают значения ‘редкий, несчастый’ (рус. *жидкие волосы*, бел. *жыдкія вусы*), ‘тонкий, гибкий’ (рус. *жидкие перильца*, бел. *жыдкі дубец*). В русском языке, кроме того, фиксируются ЛСВ ‘не обладающий силой, звучностью (о голосе,

звухах) (жидкие звуки), 'малосодержательный, необстоятельный' (жидкий доклад).

Вторичные ЛСВ прилагательных *мутный* и *мутны* развиваются на основе трансформаций и модификаций обобщенного признака 'неясный, невыразительный', воплощающийся в русском и белорусском языках в цветоцветовых ЛСВ 'потускневший' (рус. *мутное стекло, мутный взгляд*, бел. *мутнае шкло, мутныя старэчыя вочы*), 'туманный, белесый' (рус. *мутное небо, мутные облака*, бел. *мутны туман, мутнае неба*), 'неясный (о свете)' (рус. *мутный утренний свет*, бел. *мутнае святло*). Различия в семантике прилагательных наблюдаются на уровне ментальных ЛСВ: в белорусском языке слово употребляется со значением 'недостаточно выразительный, обоснованный, понятный' (*мутная плынь слоў*); в русском языке смысловый объем слова значительно шире, и два переносных ЛСВ выражают неясную тревогу, беспокойство (*мутная тишина за дверью казармы, мутное чувство*), а также смутность, помрачение сознания, разума (*мутная голова*).

Различия в семантике прилагательных *дряблый* и *друзлы* наблюдаются на уровне первичных и вторичных ЛСВ. В русском языке первичное значение слова носит анимистический характер (*дряблое лицо, дряблое тело, дряблые мускулы*), в то время как в белорусском языке первичным является ЛСВ 'гнилой, грухлявый, рассыпчатый' (*друзлы грыб, друзлыя крыгі*), а анимистический ЛСВ трактуется как вторичный (*друзлае цела, друзлы ўраднік*). В русском языке в качестве вторичного отмечается ЛСВ 'безвольный, бесхарактерный' (*дряблая воля*).

В русском языке прилагательные *бледный, медный, оловянный, розовый, небесный, красный, золотой, стальной, темный, короткий, поперечный, шумливый, громовой, тихий, стальной, тяжелый, сладкий, соленый, смачный* характеризуются более разветвленной смысловой структурой в отличие от своих белорусских аналогов. И наоборот, более широкая парадигма вторичных ЛСВ наблюдается у белорусских

полисемантов *белы, сівы, зямлісты, прамяністы, цьмяны, вялікі, дробны, бясконцы, верхні, роўны, круты, моцны, густы, лёгкі, важкі, мядовы* и др.

Отношение семантического несовпадения чаще всего реализуется в случаях, когда полисемантической единице одного из языков соответствует моносемическая единица другого языка. Так, соотносительные пары *огнистый* и *агністы* находятся в отношениях несовпадения: в белорусском языке прилагательное *агністы* выражает состояние высокой температуры, яркого огненного цвета, а также состояние душевного подъема, страстности; русское прилагательное *огнистый* является моносемичным и выражает только колоративное значение. Русское и белорусское прилагательные *вязкий* и находятся в отношениях семантического несоответствия: в белорусском языке прилагательное слово *вязкі* является моносемическим, в русском адъективе *вязкий* развивается одорическое значение (*вязкий вкус солода*).

В отношениях семантического несовпадения находятся русское и белорусское прилагательные *поперечный* и *папярочны*. В белорусском языке это моносемическая единица со значением 'расположенный поперек чего-либо' (*папярочны шырокі калідор*). В русском языке это полисемическая единица, переносный ЛСВ которой 'такой, который любит перечить, возражать' возник не только по линии смыслового развития исходного значения, но влиятельного глагола *перечить* (*самая скандальная и поперечная старуха*). Антонимические пары к этим словам *продольный* и *падоўжаны* также находятся в отношениях обратного семантического включения. В русском языке это моносемичная единица со значением расположенный по длине чего-либо. В белорусском языке это полисемическая единица, вторичные ЛСВ которой развиваются по линии временной протяженности (*група падоўжанага дня, падоўжаныя гукі*).

В коррелятивных парах *одноцветный* (*аднакаляровы, аднаколерны*), *гороховый* (*гарошавы*), *радужный* (*вясёлкавы, радужны*), *ближний* (*бліжні*), *дальний* (*дальні*), *низменный* (*нізінны*); *утробный* (*вантробны*), *вязкий* (*вязкі*), *хрупкий* (*крохкі*), *тяжеловесный* (*цяжкавагавы*) наблюдаются

отношения исключения по причине фиксации в русских словах отсутствующих в белорусских эквивалентах переносных ЛСВ. Аналогичная ситуация происходит с белорусскими колоративными адъективами *сцюдзёны, кобальтавы, малочны, мядовы, гарчычны, гліністы, чарнільны, смачны*, которые являются полисемичными единицами в отличие от русских моносемичных аналогов.

Отсутствие квалитативного значения в семантической структуре слова не всегда свидетельствует о его низком смысловом потенциале, который в нашем случае определяется по употреблению значения в узусе. В художественной литературе моносемические единицы могут получать дальнейшее смысловое развитие и употребляться в новых неузусальных значениях. К примеру, белорусские прилагательные *аксамітны, вялы, зямлісты* в различных контекстовых ситуациях образуют звуковые ЛСВ: *Маці, не ты спяваеш аб дарагім нязбытым і гарача сэрца кранаеш голасам аксамітным?* (Е. Лось); *Раптам дэўка сказала нейкім **выцвілым, вялым** голасам: “Можна, ты есці хочаш?..”* (Л. Арабей); *На ўсю адлегласць чуцен быў яго цяжкі, **зямлісты** голас.* (К. Чорны) Такая же ситуация наблюдается и в русских прилагательных: *Вкрадчивый, бархатный* голос, *нежный и чуть-чуть злоеущий, стал еще мягче и печальнее.* (Р. Штильмарк); *Почему у нее **ржавый** голос и странный взгляд.* (К. Воробьев); *А ты дай ему, дай, что долго разговаривать! — посоветовал чей-то **гнилой** голос.* (М.А. Булгаков)

Таким образом, в русском и белорусском языках широко употребляются квалитативы разной тематической направленности (колоративные, люминальные, параметрические и др.). Они образуют различные по составу структуры, чаще всего двухкомпонентные и многокомпонентные. В зависимости от соотношения семантики в эквивалентных единицах русского и белорусского языков выделяются три основные типы оппозиции: соотношения тождества, включения и несовпадения. Все они по-разному представлены в рассматриваемых языках: больше всего структур с отношениями включения и тождества. Различия в

квалитативных структурах русского и белорусского языков связаны с фактами закрепления или незакрепления ЛСВ в узусе (в одном из языков они стали нормой литературного языка и фиксируются в толковых словарях, в другом – являются принадлежностью разговорного стиля или идиостиля того или иного писателя), к полному или частичному охвату тех или иных тематических групп, подвергшихся семантическому процессу. Дифференциация наблюдается в лексикографическом толковании тех или иных лексических единиц: в одних случаях квалитативный ЛСВ выделяется в качестве отдельного значения, в других – в качестве оттенка, в третьих – не дифференцируется в пределах единого ЛСВ. И в русском и белорусском языках вторичные квалитативы выполняют важную функцию в опосредованном отражении как главных, так и второстепенных качеств и свойств предметов, явлений действительности.

Литература.

1. Кравченко, Л.Г. Проблема качества в философии / Л.Г. Кравченко. – Мн.: Наука и техника, 1971. – 224 с.
2. Старычонок В.Дз. Метафара ў беларускай мове: на матэрыяле субстантываў / В.Дз. Старычонок. – Мінск: БДПУ, 2007. – 190 с.
3. Теория функциональной грамматики: Качественность. Количественность. / [Отв. ред. А.В. Бондарко.]. - Вып. 5.— СПб.: Наука, 1996. – 264 с.

Аннотация.

В статье описываются вторичные адъективные номинации в русском и белорусском языках. Устанавливается соотношение исходного и вторичного ЛСВ в различных тематических группах (колоративных, люминальных, параметрических, звуковых, тактильных, густаторных и др.). Выявляются основные семантические типы соотношений белорусских и русских эквивалентов (тождественности, несовпадения, включения). На примере художественной литературы демонстрируется внутренний потенциал квалитативов, позволяющий развивать вторичное неузвальное значение в разных контекстных условиях.

Resume.

The Derivative Qualitative Nominations in the Russian and Belarusian Languages : Structure, Typology.

The article presents the adjective derivative nominations of the Russian and Belarusian languages. The correlation of initial and derivative lexico-semantic variants in the different thematic groups (such as colourative, luminative, parametric, sound, tactile, gustatory and etc.) is determined. The main semantic types of correlations of the Belarusian and Russian equivalents are revealed. They are identity, convergence and inclusion. The internal potential of qualitative is shown in the works of literature. It helps to develop a derivative non-dictionary meaning.

РЕПОЗИТОРИЙ БГПУ